

Заинтересованные взгляды из Москвы на европейское ускорение

Три года войны на Украине пагубно сказались на отношениях между Россией и Европой. *«Резкое ускорение перевооружения Европы»*, как мы это назвали в апрельском номере нашей газеты, лишь усилило напряжённость. Планы *«желающих»* оказать Киеву поддержку и на военном фронте вызвали ответную реакцию Москвы.

Министр иностранных дел Сергей Лавров в интервью, опубликованном 21 марта на сайте МИД РФ, напомнил, что в прошлом отношения между Россией и Евросоюзом имели *«уникальный формат»*: *«Дважды в год проводились саммиты. Такого у Евросоюза не было ни с кем»*. Это свидетельствовало о близости и взаимном интересе между Москвой и Европой. Но, сетует Лавров, теперь *«нам говорят, мол, мы отвернулись от Запада»*. Разумеется, он умалчивает о том, что между “тогда” и “теперь” пролегает война.

Исторические связи

Всё это, однако, не отменяет объективного факта, начиная с географии: Европа – это *«западный сосед»* Москвы. Но даже самые яростные критики “проевропейского” политического курса прежде всего обращаются к историческим отношениям.

Среди них – безусловно, Сергей Караганов, почётный председатель Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), который уже давно повторяет свою позицию. В интервью, опубликованном на сайте ливанского телеканала *Al Mayadeen*, данном 9 января (на русском см.: РСМД и “Россия в глобальной политике”, 13.01.2025), он заявил: *«Мы поворачиваемся туда, куда вернулись после большого путешествия в Европу, начатого Петром Великим. Это было очень полезно, потому что мы культурно обогатились»*. *«Мы исчерпали пользу нашего европейского путешествия. Поэтому мы возвращаемся домой, туда, где были. Вернуться домой – это, конечно, значит вернуться на Восток и на Юг»*.

О Европе 19 марта в интервью французскому журналу *L'Express* (на русском см.: “Актуальные комментарии”, 20.03.2025) рассуждал и Владислав Сурков, автор концепции *«суверенной демократии»*, давно демонизированной на Западе. Он утверждает, что *«Россия все эти годы заявляла, что готова к переговорам. Европа могла в любой момент откликнуться на эти заявления и начать диалог. Не начала. Начали другие»*. Он идёт дальше, объясняя происходящее “промежуточной” природой самого Европейского союза: *«Европе пора определиться – она государство или нет? Страны-участники делегировали свой суверенитет Союзу, но не весь – очередная полумера! В результате ни ЕС, ни его члены всей полнотой суверенитета не обладают»*. Объединённая Европа, по его мнению, вместе с Россией и США сможет создать “северную цивилизацию”, способную выживать *«в условиях почти невыносимого демографического давления со стороны юга»*.

Брюссель, как подразумевается, должен суметь привести к единой позиции всех членов, включая самых упрямых восточноевропейских.

Политика и энергетика

Наиболее ярким символом российско-европейского “симбиоза”, безусловно, являются энергетические отношения. Символичным с этой точки зрения является прекращение подачи газа по трубопроводу “Северный поток”, проходящему по дну Балтийского моря, после диверсии в сентябре 2022 года – акту *асимметричной войны* украинско-польско-американской разработки. Политический характер этого взрыва, нацеленного на нарушение не только экономических связей между Россией и Германией, – а через неё и всей Европой, очевиден.

Станислав Жизнин, президент Центра энергетической дипломатии и геополитики, 9 декабря в “Независимой газете” писал, что *«американский фактор во многом повлиял на торможение энергодиалога РФ–ЕС, в том числе из-за того, что часть новых членов ЕС сыграла роль американского троянского коня для раскола ЕС»*.

Однако нынешний *атлантический кризис*, подчёркнутый политикой администрации Трампа, открывает новые сценарии для российско-европейских отношений – в том числе в энергетике. Дидье Холло, исполнительный вице-президент Engie, и Патрик Пуянне, генеральный директор TotalEnergies, заявили о заинтересованности в возобновлении поставок российского газа после окончания конфликта на Украине. Последний в интервью

Reuters также уточнил: *«Европа никогда не вернётся к импорту 150 миллиардов кубометров газа из России, как это было до войны, но на 70, пожалуй, я сделал бы ставку»* (La Stampa, 15.04.2025).

Европейский вызов американской политике

С российской стороны растёт внимание к возможному “повороту” в европейских настроениях. Дмитрий Суслов, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) и член РСМД, известный сторонник “жёсткой линии” в войне на Украине, видит в инициативах Дональда Трампа положительную для Москвы сторону: *«Есть и выгоды, которые Россия будет из этого извлекать, – это то, что тот же самый Евросоюз будет иметь больше стимулов для нормализации экономических отношений с Россией»* (ТАСС, 03.04.2025).

На фоне общего климата – войны в Украине и милитаристских заявлений из Брюсселя – в Москве появляются и более сдержанные размышления. Тимофей Бордачёв, программный директор дискуссионного клуба “Валдай” и научный руководитель того же Центра в НИУ ВШЭ, формулирует, как сегодня в Москве смотрят на Европу. Его статья (“Валдай”, 21.04.2025) заслуживает прочтения в полном объёме. Первая часть, по сути, представляет собой полный разрыв с “западным соседом”: *«Европа всегда была источником беспокойства для остального мира» и «историческим противником» России; сегодня она «возвращается к своему положению главного источника опасностей для всего человечества».* Но, задаётся вопросом Бордачёв, *«значит ли это, что мы в России должны отгородиться от западных соседей и не уделять им никакого внимания?».* Например, сосредоточившись исключительно на Азии. Это, по его мнению, было бы стратегической ошибкой. *«России всё равно придётся иметь дело с Европой».* И далее следует точное указание: *«Имеет смысл думать о возможных сценариях её развития, пытаться расширять знания о состоянии своих западных соседей. Что, естественно, не означает необходимости принимать как должное их поведение на мировой арене – и особенно в отношении России».* Иначе говоря, несмотря на доминирование евразийского вектора, Москва внимательно следит за тем, как выбор Трампа может изменить европейскую политику.

Тот же Бордачёв ранее уже пытался спрогнозировать возможную трансформацию европейской политики в контексте новой американской администрации. Он писал (“Валдай”, 10.02.2025), что политика США в отношении Европы всегда преследовала две цели: *«сдерживание от восстановления европейского великодержавия и милитаризма» и «использование Европы в качестве территориальной базы для противостояния с Россией».* Заметим, что эти две цели взаимосвязаны: как конфронтация с Москвой, так и договорённости с ней служили одной задаче – ограничению европейской самостоятельности. И фактический союз в рамках *действительного ялтинского раздела*, и *мировое противостояние с “империей зла”* в 1980-х годах держали Европу под прицелом. *«Соперничество между США и Китаем, – продолжает Бордачёв, – имеет все шансы стать центральным элементом международной политики в ближайшие десятилетия».* В этом случае уменьшение американского давления на Европу с антироссийской точки зрения *«может привести к быстрому изменению не только риторики, но и практики европейской внешней политики».*

Российский ответ

Одну из заслуживающих внимания оценок высказал Владислав Белов – заместитель директора по научной работе Института Европы РАН и руководитель Центра германских исследований при том же институте (РСМД, 10.04.2025). Начинается оно с нетривиального замечания о том, что январь стал началом *«нового цикла стратегической конфронтации между двумя ключевыми акторами трансатлантического пространства»*, с возвращением Трампа в Белый дом и презентацией в Брюсселе “Стратегического компаса”, *«подготовленного на основе доклада М. Драги».*

«Оформились контуры новой реальности в Евроатлантике», – пишет Белов. Он отмечает «конфронтационный, но не разорванный трансатлантический экономический ландшафт». В этом контексте *«институты ЕС пытаются выстроить защитную позицию, а Вашингтон демонстрирует готовность к построенному на протекционизме хозяйственному*

ревизионизму». Таким образом, «следующий этап евроатлантических отношений будет разворачиваться на полях столкновения экономических интересов, неизбежных конфликтов, где ФРГ играет роль центрального узла Евросоюза».

В который раз, подчёркивает Белов, *«ЕС снова оказался на перекрёстке между стремлением к стратегической автономии и опасением расколоть единство стран-членов».* Особенно трудно Брюсселю успокоить восточноевропейских членов Союза, традиционно настроенных антироссийски.

«Фрагментированная Европа» действительно является одним из трёх сценариев будущего, которые рисует Белов. Однако Москва с особым вниманием следит за двумя другими сценариями, в которых прослеживается попытка ЕС выстроить более автономную стратегию.

Первый сценарий – *«трансатлантическая мобилизация»* – предполагает, что ЕС под внешним и внутренним давлением Франции и Германии приступит к *«институциональной консолидации»*, включая возможное создание *«Европейского фонда суверенитета»* через расширение полномочий Еврокомиссии *«в сфере индустриальной и торговой политики»*. Предпосылкой для реализации такого сценария является поддержка со стороны как минимум шести-семи ключевых стран, включая Италию, Испанию и Польшу.

Другой сценарий, ещё более интересный, – это *«стратегическая треугольная архитектура»*: Европа, нацеленная *«на дальнейшую автономизацию в рамках треугольника ЕС – США – КНР»*, пытающаяся *«играть на разногласиях между США и Китаем»*. Для этого ЕС придётся провести *«реформы в бюджетном механизме ЕС»* и провести *«мобилизацию индустриального и оборонного потенциала»*, а также укрепить *«цифровой суверенитет»*. Сценарий амбициозный, но он *«не исключён»*, хотя и потребует *«появления нового поколения проевропейских прагматиков»*. «Призом» для Европы станет открытие *«возможности для переосмысления роли европейской части коллективного Запада в глобальном мировом хозяйстве и политике»*.

Переплетающиеся сражения

Следовательно, в Москве есть те, кто с интересом рассматривает возобновление европейской инициативы. Однако эти перспективы требуют времени и, прежде всего, переплетающихся сражений внутри ЕС, между берегами Атлантики, а также в отношениях с Россией.

И в самой Москве не обходится без разногласий. Но примечательно, что в эти напряжённые месяцы, когда продолжаются попытки договориться по украинскому вопросу, ведутся поиски путей восстановления утраченной европейской линии.

Май 2025 г.